

Клоха

Лора Джек Клоха

*<https://litres.ru/74129357>
SelfPub; 2026*

Аннотация

...Она одна в чужом и странном негостеприимном мире. Дом где-то невероятно далеко...

Содержание

1.	4
2.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Лора Джек Клоха

1.

Если бы Даню спросили, что за нелёгкая занесла его в тот заброшенный дом, он бы ответил что-нибудь вроде: «Нелёгкая судьба холодого аллергика!». И усмехнулся. Сам-то он эту аллергию жуткой проблемой не считал. Проблемой – но не жуткой. Но вот мама... Тем утром она вообще хотела оставить его дома.

– Ветер – пятнадцать метров в секунду!

– Контрольная, – не сдавался Даниил. – Мамкин, ну ты же знаешь, что сегодня контрольная. И потом – я же не ветровой аллергик, правда?

– Что значит «не ветровой»? Ты сложный аллергик, Даня. Ты нехарактерный...

За «нехарактерным» обычно следовала лекция о характерных и нехарактерных симптомах. Даня был уникальным. Он краснел, «вспыхивал» прямо на морозе, тогда как другие... ему ничего или почти ничего не помогало, тогда как другим...

– Я не «другие», – привычно огрызнулся Даня.

– Вот именно. Я об этом и говорю, я...

– Ну Мамкин!

– Опять ты с этим «Мамкиным»!

Сколько раз она просила так её не называть. И так он свысока разговаривает (и в прямом смысле тоже – в свои четырнадцать он уже на полторы головы её выше!), да ещё этого «Мамкина» выдумал. Как будто подчёркивая, что мать – уже и не всерьёз, так, мультипликационный человечек какой-то... Самоделкин, Карлсон, Мамкин.

– А ты представляй не ветер, – улыбаясь наклонил голову Даня, – ты представляй пять баллов по географии.

– Конечно. Так я и поверила, всё дело в географии. Дурака, видно, валять собрался. Лишь бы не дома...

– Но в пятёрке – никто не сомневается? – спросил (нет, просто напомнил) Даня. Учился он прекрасно. Дурака мог валять сколько угодно, и всё равно всё успевал, всё равно всё у него получалось.

Мама, поджав губы, взялась поливать кухонные кактусы.

– Вот принесу трояк... – пригрозил Даниил.

Мама молчала. Кактусы пить не хотели, вокруг них образовывались маленькие круглые лужицы.

– Прямо не остановишь. Ломится, ломится... – наконец, проворчала она. Громко поставила лейку и вышла в коридор. – Чтобы лицо защищал. Каждый год показываю... – Мама вернулась, прижимая руки к щекам. *Руки в зимних перчатках.* – Вот так надо щёки прикрывать, ты помнишь?

– Мамулькин, а Мамулькин... – изнурённо прислонился

к стене Даня. – Это МЕХОВЫЕ перчатки. Двенадцатое октябрь...

– Ничего, не сжаришься. И когда же ты уже, наконец, поймаешь...

Даниил не слушал. На градуснике – плюс семь, аллергия его начинается – при минусе. Что тут понимать? Он накинул рюкзак.

– Ну всё, Мамкин. До вечера!

– До какого ещё вечера? Это почему...

– Шутю, – пояснил Даня и улыбнулся во весь рот. Он несколько не стеснялся своих кривых зубов, наотрез отказался от брекетов, а когда обращали внимание, растолковывал: «Это вариант нормы. Норма. Они же здоровые!».

– Даниил!

– Мама! Я тебя люблю. И я нормально одет. Адью?

– «Адью»!.. Я тебе что, товарищ?

Даня только пожал плечами.

– Адью так адью... – поджала губы мама. Ей казалось, что Даниил нарочно её бросает. Ведь может, может же он остаться! Не остаётся...

Не так уж, надо сказать, она и ошибалась. Даня действительно «ломился» не на географию, действительно не столько в школу, сколько из дому. Мама догуливала последние отпускные деньки, и не отправиться сегодня на занятия не означало ничего другого, как провести ещё один из таких деньков – с ней. В общем и целом Даня был не против, он

любил своего «Мамкина». Но вот в частности... Как всё-таки эти частности иногда отличаются от общего и целого! В частности это был бы уже третий (третий подряд!) день, – после утомительной, с генеральной уборкой субботы, после какого-то особенно нервотрёпского воскресенья. «Мамкин» просто не знала своего второго прозвища – Узлюка. Она, разумеется, слышала, как Данечка этим – «У, злюка...» – закругляет их многочисленные перебранки, но произносил он это как бы шутя, примирительно. Вот именно – закругляя. Она и представить себе не могла, что называется этой «Узлюкой» и безо всяких шуток. «Узлюка дома», – говорит Даня Антону, и это значит, что Антона он в гости – не зовёт. Ужасно Дане не нравилось то, что очень нравилось маме: её общение с Даниными гостями «по душам». Что-то она спрашивала, что-то рассказывала, в основном почему-то жаловалась и в основном почему-то на Даню. «Ма, ну не к тебе ведь пришли!» – канючил Даня, когда был помладше. «Ну и что? Ко мне и не приходят!». И к ней действительно не приходили. От неё уходили – как отец.

Последний раз Даня видел его года четыре назад. Отец был невозмутимым, а мать, наоборот, до того раскипятилась, что журналом в него запустила. А ведь они, помнится, тогда и не ругались. Сначала отец сумку не туда поставил, потом куртку снял, а не надо было, потом заварник подвинул, а из него выплеснулось... Может быть, Даня чего-то не понял, но ему показалось, что мама, всё что ни скажет (всё

что ни прокричит!) – зря. Одним словом – Узлюка. С Даней – ещё и Уприставука, Унадоедака. Пристала позавчера с этой уборкой... Не столько с уборкой даже, а с *защитой* рук при этой самой уборке. У Дани, видите ли, очень сухие, всегда шелушащиеся руки. И вот надо было как следует намазать их защитным кремом, подождать, пока он «начнёт действовать» («Мама, да он уже действует!»), надеть гермоперчатки («А зачем тогда крем?!»), и только потом... А вчерашние *бесконечные тапочки*? Ну не носит их Даня. Не хочет, не считает нужным. И какая при этом разница, сколько пар у него этих самых *тапочек* (да, *Мамочкин* так говорит – *тапочки!*) Уприставука... Или нет, нет. Нет конечно. Мамкин. Мама, которую он очень любит. От которой никогда ещё по-настоящему не отдалялся. Пусть, ладно уж, кричит. Ведь, если подумать, она не просто кричит, а переживает, заботится. *Печётся*. О здоровье, чистоте, о *Данечке без тапочек*. Поэтому-то он и не огрызается в полную силу, шутит, закругляет и сглаживает, иногда чуть-чуть обманывает – как теперь, со школой. Контрольную обещали, но... Но – ну и что? Однако, едва проснувшись, Даня прислушался к вою ветра, мысленно сравнил его с неизбежным мамочкиным скулением, сделал страшные глаза (он частенько изображал вот так, ни для кого, для себя) и... И вой ветра выиграл. Даня вполне однозначно решил – школа.

От шапки (нечеловеческими усилиями и ссылками на капюшон) он открестился, а вот перчатки пришлось надеть. И

снять, едва он захлопнул за собой калитку, – ещё не хватало, чтобы в этих меховых клешнях его кто-нибудь увидел! В октябре месяце. Когда ещё и листья не облетели...

Однако листья облетали. Даню в его ярко-жёлтой куртке и самого несло как кленовый листок – слава богу, ветер дул в спину, поэтому и несло в нужную, школьную сторону. А вот обратно... Обратно пришлось идти уже против. Против ветра, а иногда казалось, что против самой природы – капюшон всё время сбрасывало, песок летел в глаза, листья в рот, а мусор за шиворот... Но хуже всего было то, что ветер стал действительно холодным. Просто ледяным. И Даня вдруг почувствовал знакомое покалывание. Сначала как будто мурашки по щекам побежали, потом они уже не бежали, а буквально скакали, потом из «скачков» превратились в «укольчики» и, наконец, всё это стало жечься и гореть. Сомнений не оставалось. Это была аллергия...

Даня попытался было прикрыть щёки ладошками, но это совершенно не помогало, руки тоже замёрзли. Замёрзли – и начинали гореть, «аллергичиться»! Он скинул рюкзак и полез за перчатками, но... но их там не было. И, кажется, Даня знал, где они. По крайней мере, успел предположить. Скорее всего, остались в актовом зале. Как они там оказались? Да так же, как и сам Даня, – случайно...

В этот ветреный понедельник не так уж много народу сочло школьную сторону нужной. Школа была полупустой. Ученики, жившие по большей части на Вихляевских копиях,

в деревянных домах и бараках, отзывались так на любой «ка-таклизм» – сильный дождь, сильный снег, сильный ветер... Отзывались так, что никак не отзывались – сидели по домам да «заборы сторожили» (это ещё во втором классе Арнауткина выдала: «Мама с папой в школу не пустили!» – «Почему?» – «Потому что забор надо сторожить!» – «Почему?!» – «Потому что листы отрывает!»). Вместо пяти уроков было три. После третьего, географии (разумеется, никакой контрольной в полупустом классе не проводили, было скучно, скучно, скучно – и сонно), Даня отправился побродить по школе. Актёрский зал был приоткрыт и оттуда тихонько, но настойчиво звучала какая-то музыка. Больше, конечно, стучала – это было что-то «для ног, для поп», как определила бы мама.

Даня зашёл, зачем-то плотно закрыв за собой двери, беззвучно, как-то крадучись подошёл к сцене и заглянул за кулисы.

Сцену оккупировали девчонки из Антонового шестого «А» (у пяти- и шестиклашек, говорят, вообще два урока было). «They are dancing», – усмехнулся Даня. На него тут же зашипели – «кыш», «брысь», «чё надо?», – но он ответил вполне нейтральным «да ничё», пообещал не мешать и в самом деле был таким тихим-мирным, что вскоре на него перестали обращать внимание.

Он довольно долго так стоял, а потом даже поднялся на пару ступенек и присел на край сцены, подложив свои «ме-

ховые клешни».

Смотреть Дане понравилось, очень, но – только отчасти...

Это был баттл – девчонки перетанцовывали друг дружку на все лады, решали и перерешивали, кто лучше, крича при этом как галки, а Даня сидел спокойненько, не вмешивался. Он прекрасно видел, что никто не лучше, никто не хуже. Хорошо танцевали все. Все фигурки двигались интересно, хоть и очень по-разному, все фигурки притягивали. Даже Ткачучка. Правда, она как-то... слишком дёргалась, но и это не было некрасиво, скорее забавно и тоже по-своему притягательно. В общем, с фигурками всё было замечательно, это и была понравившаяся часть. А вот лица... Лица были другой частью. Той, которая только мешала. Это были знакомые глуповатые лица знакомых глуповатых шестиклассниц. Смотреть на них было так же привычно и неинтересно, как на классную доску, например. Ну, или подоконник... И тут уж никакие фигурки не помогали!

Даня недоумевал. Влюбляются же как-то в сверстниц! В ровесниц, одноклассниц, однокашниц... Ему никто не нравился – и это при том, что в классе полнейший матриархат, – как прокомментировал на днях Данин сосед по парте Кокорин, «двенадцать куриц – и только четверо нас, человек!»». «Кукареков ты, а не человек», – скаламбурил Даня, но тот ничего не понял... Да что класс? Если во всей школе не нравится. Представляется что-то совсем другое. Незнакомое, не такое... простецкое.

Двери в актовый зал распахнулись.

– Ну и что тут у нас? – впрорхнула биологичка. – Кто тут чем занимается? – Миниатюрненькая симпатичненькая злобненькая биологичка...

Птичий гвалт за кулисами затих, но музыку не выключили.

Даня вскочил, сам себе удивляясь – запаниковал почему-то, глаза отвёл... Как будто и впрямь неизвестно чем – ай-ай-ай, нехорошим чем-то! – занимался.

– Что происходит, я спрашиваю?

– Да не происходит ничего... Музыку слушают... Музыку слушаем, Елена Геннадьевна! – пришёл в себя – широко улыбнулся – Даня.

Елена Геннадьевна отогнула краешек кулисы.

– Ну – выходим, выходим!

Шестиклассницы вышли – молча, гуськом. Последняя – Богаткина.

– Так, запоминаем: музыка, танцы, шманцы – всё это в свободное, внешкольное время...

– А у нас свободное время, – уверил Даня.

– ...Во внешкольной, соответственно, обстановке, – угрожающе понижая голос договорила биологичка.

– Шманцы, – еле слышно передразнила Богаткина.

– Что-что?!

– До свидания, – сообразил Даниил, подхватил рюкзак, спрыгнул с лесенки и, не оглядываясь, выскользнул за дверь.

А вот лучше бы оглянулся. Перчатки-то остались. Скорее всего, они под лесенку упали...

Всё это пронеслось у Дани в голове буквально за секунду. В следующую секунду он лихорадочно озирался по сторонам – было ясно, что ему необходимо куда-то спрятаться, уйти с этого сумасшедшего ветра. Хотя бы на время, но прямо сейчас.

По левую сторону – недостроенные таунхаусы, огороженные бесконечной «колючкой», по правую – полуразрушенные домики, какие-то за заборами, какие-то уже и нет. У *этого*– забора вовсе не было, одни опорные столбики остались. А вот сам он, наоборот, был практически целым, крыша, окна – всё на месте, не хватало только входной двери. Может быть, поэтому Даня туда и забежал? А может быть... Дело в том, что на какой-то миг ему показалось: там, в домике – свет. Не электричество, не огонь, а что-то совсем другое, даже не видимое, а ощущаемое. Словно бы он – глазами, лицом, всем собой – улавливал какое-то тепло...

Это странное ощущение длилось какое-то мгновение. «Дом как дом... – выдохнул Даня, оказавшись на веранде. – По крайней мере не дует!». И принялся оглядываться, сообщая, куда бы поставить рюкзак.

Веранда была завалена старьем – тряпки, шлёпанцы, пакеты, сломанные и целые стулья и полки, книги (книги лежали практически на выходе, и до них то и дело добирался ветер), картонки, коробки, миски... И на всём – сантимет-

ровый слой пыли. Не домашней светло-серой пушистенькой пыльки, а жёсткой, чёрно-коричневой, «дикой», похожей на землю или даже уголь. Даня так и стоял в нерешительности – с рюкзаком в руках. Но руки надо было согреть! Осмотреть и согреть – и лицо, и руки. Если вовремя, прямо сейчас, ими заняться, то шанс, что горячие мурашки, жгучие укольчики и прочие неприятности не перейдут в настоящую уже неприятность – настоящие волдыри – такой шанс был.

Даня толкнул дверь – с веранды в домик, – и осторожно заглянул...

В доме творилось то же самое – бардак, хлам, – но чёрно-коричневой пыли, кажется, не было. Даня вошёл.

Рюкзак он поставил на печку, на стопку газет, – для этого он даже газету почище, из середины, вытащил. Потом вытащил ещё одну – чтобы постелить на что-нибудь и сесть, – но вдруг услышал странный, очень странный, какой-то... очень живой звук!

Так не мог звучать предмет. Это было похоже на вдох – на короткий, но с усилием, сопением, шипением вдох. Может быть, всхлип? И донёсся он из соседней комнаты...

Даня замер, выронив газету. Он не то чтобы раздумывал, а просто... мгновенно представил, предположил некоторые вещи. И так же мгновенно *распредставлял обратно*. Вряд ли это какой-нибудь бомж, вряд ли беглый преступник, уж тем более вряд ли какой-нибудь «призрак ушедшего хозяина». В призраков Даня не верил в принципе, а бомж или пре-

ступник – тем паче бомж-преступник – пожалуй, не стал бы всхлипывать. Кто стал бы? Ребёнок?..

– Кто здесь? – шёпотом спросил Даниил.

То, что он услышал в ответ, было ещё более странным. Несомненно, это был ответ, и Даня этот ответ понял – было сказано: я, – но в то же время как будто и ничего не было произнесено. Было как будто выдохнуто... Но самым удивительным было, что Даня не испугался, а, напротив, как-то успокоился. Ещё немного постоял – и направился соседнюю комнату! А вот в комнате...

В комнате, прямо на полу, лежала голова. На самом обычном, подгнившем и ободранном полу нежилого дома лежала голова, – и какая! Такая, каких не бывает и быть не может. Просто... просто нет на свете таких существ, у которых была бы такая голова.

Она была гигантской (сколько это в диаметре, метр?), обтянутой жёлтой-прежёлтой, местами зеленоватой кожей, больше похожей на резину. Малюсенькие чёрные глазки торчали как маслянистые шляпки грибов. Выражения в них не было, – никакого выражения, только по их расположению можно было догадаться, что это глаза. И только по тому, как они подрагивали, что они – живые. Рот просто зиял – пустая чёрная дырка. Медленно сужаясь, она как будто зарастала, почти исчезала, но потом её края «подтаивали», и она зияла снова. Нос (*навернонос*) – просто «холмик». Голова вообще была «холмистой», и трудно было понять, просто неровно-

сти это – или скулы, подбородок, уши... Последнее, что Даня заметил, было тельце. Получалось, что это не просто голова, получалось, что это... «головастик»!

Тельце было темнее (желтее, зеленее) головы, и *оно было махоньким*. Может быть, с ладонь, не больше, да и выглядело оно как пустая резиновая перчаточка, – плоские «сдутые» ножки, плоские «сдутые» ручки... Даня и не смог бы объяснить, почему он решил, что это тельце, ножки и ручки, а не – вот именно – перчатка на полу...

Он боялся шелохнуться. Боялся даже к щекам прикоснуться – а они чесались и горели. Минуты шли, а он всё не мог прийти в себя. Единственное, что крутилось у него в голове, так это: какой-то несчастный мутант? Осень, холодно... Может, его укрыть?..

Но что значит «укрыть голову»? Накрыть, как попугая? Укрывать же тельце... Его почти не было! Минуты шли...

В какой-то момент Даня понял, что он слишком уж задержался на глазах «существа». А потом... Всё произошло очень быстро – «чёрные шляпки», словно мягкие резинки, растянулись, расползлись на всё поле зрения Дани, поле стало чёрным-пречёрным, а потом ещё и удлинилось – как туннель. И Даня поплыл – или полетел – по этому чудесному туннелю...

Туннель был действительно чудесным: оставаясь совершенно чёрным, он был и совершенно прозрачным и даже как бы невидимым. Ничто не мешало Дане видеть, как проплы-

вали под ним Вихляевские копи – дома, коттеджи, бараки... Их всё ещё было видно, хотя и где-то в стороне, когда боковые стенки туннеля стали плотными, превратились в маслянистую жирную черноту, которая непрерывно куда-то двигалась, всё время менялась. А сверху... Сверху была разреженная, водянистая синева, похожая и на небо, и на воду, и на что-то расплавленное, очень-очень лёгкое. Синева едва заметно подрагивала и, казалось, вот-вот хлынет прямо Дәне на голову...

Всё, что Даня видел и чувствовал, было хорошо, как никогда и нигде хорошо и правильно – каждый перелив в водянистой синеве, каждое движение, отсверк маслянистой черноты, каждое движение его собственных глаз, рук и ног – из «нехорошестей» было только жжение на коже. Аллергия... Даня поднял руку и коснулся неба. И оно действительно хлынуло!..

Даня стоял, как и прежде, в домике, напротив «головастика». Он только что вернулся... Откуда? Можно было сказать только, что из «не здесь». И это «не здесь» было удивительное. Чудесное.

Существо было всё тем же, разве что каким-то... менее ярким. Всё так же безучастно оно лежало на полу, фантастическим образом «закрывая» (зарастая) и «открывая» (оттаивая) свой рот, – но Даню оно больше не ужасало. Было ясно, ясно как день, что он, Даня, обнаружил что-то совершенно исключительное. Странное – но потрясающее! Прилив сил

и радости – вот что он почувствовал. Хотелось бежать и бежать, и всем встречным-поперечным рассказывать о том, что он нашёл... нашёл... кого?

– Как – тебя – зовут? – медленно, как можно чётче, спросил Даня. Он смотрел прямо в глаза «головастику», но больше никаких чудес не происходило.

Даня повторил свой вопрос ещё медленнее и чётче. После паузы послышался какой-то шум, похожий на шипение, и снова всё стихло. Невозможно было понять, шло это шипение от головы существа или было только в голове, в ушах у самого Дани. Лицо «головастика» по-прежнему ничегошеньки не выражало, рот жил своей жизнью...

– Но ты же ответил, когда я спрашивал, кто здесь!.. Как – тебя – зовут?

Дане послышалось что-то вроде «о-а» или «о-ха» – шумные, трудные вдохи (или выдохи?).

– О-ха? – попытался уточнить Даня.

Молчание.

Даня озадаченно потёр переносицу и присел на корточки. Существо было разумным, в этом он не сомневался. Странно выглядящим, но разумным – и не опасным.

– Ты... инопланетянин?

Ответа не последовало.

Даня представил, как замечательно всё могло бы сложиться. Ведь это была бы сенсация! Сенсация, если инопланетяне существуют, и одного из них нашёл он, Шабалин Даниил.

Наконец-то с ним случилось... случилось хоть что-то. Как давно он хотел, ждал чего-нибудь – хоть чего-то! *Как* давно – он даже, наверно, мог бы сказать. Года четыре, не меньше.

Он хорошо помнит, как тогда, после ухода отца, сел рисовать. И нарисовал почему-то кактусы – мама их любила, разводила, четыре разных их вида занимали четыре окна, и один даже цвёл. Даня рисовал и рисовал, иголки и иголки – и вдруг как-то ясно-преясно увидел, какие они одинаковые, эти кактусы и эти иголки. Несмотря на то, что очень разные. Виды разные – но всё равно это кактусы. Вчера были кактусами – и завтра будут. Вчера тут стояли – и завтра будут стоять. Утром, днём и вечером они такие же, только освещение меняется... И разве не так же и со всеми, со всем? День, ночь, день, ночь, дом, школа, школа, дом. Школа сменится институтом, институт работой, работа пенсией... Что-то всё время сменяется чем-то, но на самом деле ничего не меняется, стоит в одной точке. Неужели кроме этой точки и нет ничего?

– Слушай, Тох, тебе не надоело? – спросил он как-то Антона.

– Не надоело – что?

– Всё, – «объяснил» Даня.

Но Антон, кажется, понял.

– А, всё?... – на секунду задумался он. – Нет. Всё мне нравится. – На этом разговор и закончился.

Это-то в Антоне и было хорошо (мама свято верила, что

совсем другое, что «живёт через два дома, вот и сдружились»). На самые сложные вопросы он отвечал просто и прямо, так, как будто они и не были сложными. «Да» у него значило «да», «нет» у него значило «нет», и ничего он не накручивал, ниоткуда не выкручивался, вот таким он был «некрутящимся» человеком... Из-за этой прямооты он даже учился так себе. Если он чего-то не успевал, так и говорил: «не успел», если что-то не находил нужным, так и говорил: «да нужна мне эта хрень». А не успевал Антон многого – уйму времени он посвящал Жулику, чокнутой своей овчарке Джульбарсу. Вот и теперь они на «собачьих сборах» были, на очередной выставке, да ещё и где-то у чёрта на куличках, в Орловке. Все выходные на эту Орловку ухлопали и приедут, в лучшем случае, только завтра. Только завтра, а тут!.. Дане так и виделась эта картинка: как Антон, глядя на «чудо-головастика», тоном заправского детектива выдаёт: «Ну, если по порядку, то...». Это его любимая присказка, про порядок...

Даня вздохнул. Может быть, действительно – по порядку надо? Сначала Дане самому представиться?

– Меня – зовут – Даня... Даниил!

В ответ произошло нечто – нечто, из-за чего он потерял равновесие и хлопнулся с корточек прямо на пол!

– Надеюсь, это не ты толкаешься, – усмехнулся он. Хотя... чего уж там, не надеялся. Как раз наоборот: ему показалось, что *его толкнули*. Сделали так, чтобы он упал...

Даня встал, стараясь не делать резких движений. Не то

чтобы испугался, нет – чувство неопасного, удивительного в самом хорошем смысле не прошло, но вдруг... а вдруг существо не любит громкого, резкого, вдруг оно само – пугается? Он оглядел джинсы (да, садиться не стоило!), начал отряхиваться и... увидел свои руки.

Разумеется, в этом не было ничего сверхъестественного – видеть руки. Удивительно было кое-что другое, то, чего он НЕ увидел, то, чего не было. Не было аллергии. Никакой. Даже следов, даже намёка. Даниил уже и не помнил, когда он видел свои кисти такими: бесследно пропали не только бесформенные аллергические пятна, но и сухие «шелушки», и глубокие, буквально «выпаханные» царапины – подарочки придурочного Джульбарса...

– Кло-хха...

– Что?.. – вздрогнул Даня. – *Плохо?* – Он не мог понять, не видел, как существо говорит. Только слышал эти шумные, клокочущие слоги...

– Клоха...

– Клоха? Такое имя? – Даня готов был поклясться, что заметил что-то вроде... улыбки? А заметить это было непросто – существо всё бледнело, всё обесцвечивалось...

Даня тоже попробовал улыбнуться. Но улыбка не получилась. Он вдруг почувствовал, что топчется на месте. Надо идти! – идти и срочно с кем-то поделиться, вот именно – *разделить* это всё. Не было никаких сил знать это одному. Одному, может быть, на всём белом свете!

Едва схватив рюкзак (можно было и не брать, но раз уж вспомнил!), Даня выскочил из домика. По-прежнему дул ветер, но Даня чувствовал себя практически неуязвимым. Ему нужен был кто угодно, первый встречный...

2.

С кис

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.